

Ночью поезд несется бы-
Стрей, нагоняя дневные
опоздания, наш последний ва-
гон изрядно мотает на поворотах.
«Под стук колес ко мне приходят
сны»... Вспоминается описанная
ещё Гиляровским жуткая Куку-
евская катастрофа позапрошлого
века на перегоне Чернь – Мценск,
у станции Бастыево, неподалеку
от родовой тургеневской усадьбы
в Спасском-Лутовиново.

От ливня трубу под насыпью
вырвало, семь вагонов почтово-
го поезда провалились в пустоту.
Тогда погибли 42 человека, в их
числе оказался племянник Ивана
Тургенева. От этого известия бра-
та писателя разбил паралич. Спу-
стя несколько дней после трагедии
Тургенев скажет: «Мне постоянно
мерещатся эти несчастные, задох-
нувшиеся в тине, и хотя отрывтие
их теперь, конечно, ничему не по-
может – но я весь горю негодо-
ванием при мысли, что в течение
нескольких дней ничего не было
сделано!»

Ликвидировали последствия
с невероятными усилиями, поток
воды не прекращался, засасывая в
трясину обломки вагонов, людей.
Эти события послужили основой
рассказа Чехова «Тайны ста со-
рока четырех катастроф, или Рус-
ский Рокамболь».

В основу стихотворения Не-
красова «Железная дорога» – стро-
ительство дороги Орёл – Москва. В
черте Москвы каждая верста обо-
шлась в 140 тысяч рублей. В стро-
ительстве тогда помог орловский
предводитель дворянства Алек-
сандр Васильевич Шереметев.

В Орле после шума и дорожной
кутерьмы окутывает ночной покой
и прохлада широкой привокзаль-
ной площади с тёмным силуэтом
семиметрового взлетающего орла,
широко распростёршего свои кры-
лья. Его топиарная фигура сделана
из экологически чистого однолет-
него растения кохия.

С названием города связана ле-
генда. В 1566 году по указу Ивана
Грозного для охраны границ Мо-
сковского государства от набегов
крымских татар строили город-
скую крепость. У слияния Оки и
Орлика с вершины дуба, который
стали вырубать, слетел орёл. Один
из мужиков сказал тогда: «А вот и
хозяин». Царь повелел назвать го-
род именем гордой птицы. Об этом
написано в Никоновской летописи:
«Того же лета повелением государя
царя и великого князя Ивана Васи-
льевича всея Руси поставлен бысть
город на поли на реке Орлее».

Иван Бунин в книге «Жизнь
Арсеньева» описал орловский вок-
зал и сам город: «Думал я о том,

что вот, как это ни странно, скоро и цель моего путешествия, тот самый Орёл, которого я ещё почти никак не представляю себе, но который уже одним тем удивителен, что там, вдоль вокзала, – великий пролёт по всей карте России: на север – в Москву, в Петербург, на юг – в Курск и в Харьков, а главное – в тот самый Севастополь, где как будто навеки осталась молодая отцовская жизнь...

Случалось, я шёл на вокзал. За триумфальными воротами начиналась темнота, уездная ночная глушь... Полевой зимний ветер уже доносил крики паровозов, их шипение и этот сладкий, до глубины души волнующий чувством дали, простора запах каменного угля. Навстречу, чернея, неслись извозчики с седоками – уже пришёл московский почтовый?.. Буфетная зала жарка от народа, огней, запахов кухни, самовара, носятся, развевая фалды фраков, татары-лакеи... За общим столом – купеческое общество, едят холодную осетрину с хреном скопцы... В книжном вокзальном киоске было для меня всегда большое очарование, – и вот я, как голодный волк, брожу вокруг него, трясусь, разглядывая надписи на жёлтых и серых корешках суворинских книг. Всё это так взволновывает мою вечную жажду дороги, вагонов и обращается в такую тоску по ней, с кем бы я мог быть так несказанно счастлив в пути куда-то, что я спешу вон, кидаюсь на извозчика и мчусь в город, в редакцию...»

Об орловском вокзале надо сказать особо, это один из самых красивых вокзалов в стиле русского классицизма. На противоположной стороне перрона – две каменные галереи, своей отчетливой пронзительной белизной они флуоресцируют на тёмном фоне. Башенные часы, расположенные посередине, исполняют красивую мелодию Первой симфонии Василия Калинникова.

В 1868 году было построено локомотивное депо, названное после революции в честь члена ЦК Якова Свердлова, оно сохранилось. В марте 1919 года, когда тот возвращался в Москву из Харькова, поезд был вынужден остановиться – орловские железнодорожники бастовали. Тогда был сильный голод, они требовали, чтобы Свердлов вышел к ним. Когда он сделал это, в него тотчас полетели уголь и поленья. Свердлов потерял сознание и упал, охрана завязала драку. Будучи уже больным, он через неделю скончался в Москве. В том же году и станция, и город переходили в руки белой армии Деникина. После войны в восстановлении вокзала участвовали пленные немцы, они мостили центральную улицу брусчаткой.

... Ночные звуки то обрывались, то застыли на каких-то длинных, протяжных, тягучих нотах, слух улавливал доносящийся монотонный шум проезжающих такси.

Вспоминались строки апухтинского романа «Ночи безумные»:

*Вкрадчивым шёпотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!*

Поэт родился в Орловской губернии в небогатой дворянской семье с древними корнями, восходящими к Франции, жил здесь в своём родовом имении.

Сколько их, замечательных «дворянских гнёзд», разбросанных по Орловской губернии, снискавших этим удивительным местам подлинную славу! В Орёл надо ехать со свободной душой, свободной от виртуальных реалий современной жизни, бытовых и семейных неурядиц, чтобы не спеша обойти центр города, побывать в доме Н. Лескова и Л. Андреева, съездить к И. Тургеневу в Спасское-Лутовиново, в Нарышкино – к А. Фету, посетить музеи И. Бунина и Т. Грановского, М. Пришвина, И. Новикова. Здесь, в Орле, родился Б. Зайцев, сюда в 1832 году был определён советником Ф. Глинка.

С городом связаны имена Д. Писарева, Марко Вовчок, П. Столыпина, М. Бонч-Бруевича. Вместе с родителями в усадьбе деда с материнской стороны Ивана Петровича Вульфа, орловского губернатора, чей потомок Дмитрий Алексеевич Вульф был её внучатым племянником, тут жила и Анна Петровна Керн (урожденная Полторацкая) – русская дворянка, известная по роли, которую играла в жизни А. Пушкина.

Наверное, нет в России такого города, где бы не стоял памятник Пушкину, в этом заложен глубокий смысл. По традиции назначаем встречу с Орлом у бюста великому поэту.

Рядом с «польским» корпусом Орловского пединститута – памятник Сергею Есенину. Его взор обращён на здание, что расположено наискосок, туда, где когда-то была усадьба жены поэта Зинаиды Райх, здесь родилась их дочь Та-

тьяна. Сейчас на этом многоэтажном здании – мемориальная доска с барельефом Есенина, тут размещён частный музей поэта. В нём хранятся письма Шаганэ к орловскому учителю Н. А. Алхимову и письма В. А. Туинову от сестры Есенина Александры и дочери Татьяны, его посмертная маска.

Мимо памятника композитору Василию Калиникову доходим по бывшей Кромской до сквера А. П. Ермолова, прохожие кормят голубей. Стоит лишь бросить крошки вкусного орловского хлеба с романтическим брэндовым названием «Дворянское гнездо», как тотчас отовсюду слетаются радостные курлычущие стайки.

Неподалеку от магазина «Дамское счастье» в центре сквера установлен камень, на котором миролюбиво устроилась голубка, с любопытством осматривающаяся по сторонам. «На этом месте будет установлен памятник выдающемуся военному и государственному деятелю России, генералу от инфантерии, артиллерии, дипломату, герою Отечественной войны 1812 года, нашему земляку Алексею Петровичу Ермолову (1777 – 1861). Камень установлен 4 июня 2002 г. в день 225-летия со дня рождения А. П. Ермолова». Давно уже сидят на нём птицы, наверное, чего-то ждут.

Идём по Карачевской улице к памятнику Николаю Лескову и Михаило-Архангельской (Успенской) церкви, в которой был крещён Леонид Андреев. Мимо бывшей гимназии (сейчас это один из корпусов университета) и театра «Свободное пространство» (бывшая городская дума) – к колоритным старинным торговым рядам на Гостиной улице. Подходим к самой старой церкви – Богоявлен-

ской, к ней пристроили колокольню, когда-то здесь был кукольный театр.

Идём в ногу со временем, повсюду атрибуты современной жизни – рекламные растяжки, из всех почему-то запоминается слоган: «Как я провёл Интернет этим летом».

Проходим мимо знаменитого часового завода «Янтарь», в 90-е он прекратил своё существование. Памятник жертвам радиационных катастроф производит довольно странное впечатление – непонятное сооружение, его окрестили «цирроз печени».

Названия многих улиц характеризовали сословие их обитателей, многие сохранились: Большая Дворянская, Верхне- и Нижне-Дворянские, Большая и Малая Мещанские, Прядильная, Кузнечная, Пушкарская... Когда-то здесь были улицы Подострожная, Заострожная, Институтская, Пожарная, Пороховая, Гостиная, Казарменная.

На берегу Орлика у места основания города высится ещё один памятный камень. Наконец выходим к стрелке – месту слияния Орлика и Оки, взору открывается изумительное пространство – речной русский безбрежный простор, которому, кажется, нет конца. Зелень смешана с водой, она плывет в ней, отражается и переливается, превращаясь в зелёную волну, тут же рядом в воде плывут, ласково играя и кувыркаясь, белёдые облака, обгоняя друг друга, они летят и по небу, как наши мечты и желания.

Проходим по висячему мосту, оказываемся в парке, где в стожке сена в изгнании, вдалеке от собратьев чутко и настороженно дремлет косуля. Дальше наш маршрут пролегает мимо кинотеатра

«Победа», что на бывшей Болховской улице. На этом месте была когда-то Георгиевская (Сретенская) церковь, где крестили Бориса Зайцева. За зияющей пустотой высится сумрачная тень поклонного креста, в нём вся скорбь и величие русской души.

В канун праздника Петра и Февронии повсюду проносятся свадебные кортежи с прикрепленными сзади жестянками, отбивающими современный ритм, се ля ви, этот аккомпанемент – не вальс Мендельсона.

Молодожены стайками выпархивают из дорогих авто, опоясанных многочисленными лентами, букетами и рюшами, фотографируются у памятников знаменитым орловцам. Милые, на первый взгляд, «непристойности», наваждения и соблазны, когда молодым кажется, что в мире всё возможно и дозволено. Пара в экстравагантных ковбойских шляпах забирается на скамейку, где сидит Лесков, другие радостно обнимаются с памятником Тургеневу. В произведениях писателя все когда-то не были по-настоящему счастливы. Будут ли счастливы эти милые орловские девушки?!

Направляемся к Тургеневскому берегу, к памятнику писателю. Очень любивший Тургенева Лесков собирал сведения о нём, записал свидетельство обывателя – няньке приказывали вывозить его в коляске на обрывистый берег Оки, чтобы он чувствовал воду, пространство, воздух. Оттуда пошло название «Тургеневский бережок», на котором писатель остался сидеть до сих пор.

Тургенев родился в 1818 году в Орле в тургеневской городской усадьбе, в доме, напоминающем букву «глаголь». Крестили его в

Борисо-Глебском соборе, который не сохранился, как не сохранился и дом его матери, Варвары Петровны. Крестным отцом был Уваров – командир полка отца.

Кружим по городу, отыскивая места, отмеченные историей. Через городской парк, где у входа из зелёных насаждений сделаны фигуры слонов, идём к улице Салтыкова-Щедрина. На месте нынешней больницы была Борисоглебская церковь, там крестили Тургенева. О том времени напоминает несколько вековых деревьев, которые знают всё, но уста их сомкнуты, они ничего не расскажут, лишь задумчиво шелестят листвой и напоминают о далеко ушедшей от нас прошлой жизни.

На углу Полесской – железный Феликс отполирован до блеска, он сидит в кресле у здания ФСБ, словно приглашая к разговору. После начала первой мировой войны Держинского увезли из варшавской тюрьмы в Орёл, где он отбывал каторгу за побег из сибирской ссылки, в 1916 году его перевели в Таганскую тюрьму в Москве.

На улице Тургенева находилась усадьба, где родился Иван Тургенев. На многоэтажном здании – мемориальная доска. Напротив – дом Талызиных, где снимали квартиру дворяне Гальские. Владимир Львович Гальской, одиннадцатилетним ребёнком вывезенный из Орла, поэт русского зарубежья, похоронен в 1961 году в Касабланке. На здании областного управления внутренних дел – доска с барельефом, свидетельствующая о встрече генерала Ермолова с Пушкиным. В самом конце улицы – дом купца Бакина, рядом – бюст Фета.

Здание архитектора Тибо-Бриньоля, зажатое с одной стороны

массивным корпусом торгово-экономического института, а с другой – зданием больницы. Дворянское гнездо – символ города, дом Лизы Калитиной в плачевном состоянии, он огорожен забором. Смотреть на него без содрогания просто невозможно, пройдёт ещё немало времени, от дома, похоже, не останется следа.

Неподалеку от беседки-ротонды – бюст Тургенева, на его шее повязан длинный бант, он улетающей волной развеивается на ветру меж берёз, плотным кольцом окруживших писателя, лента иногда запрокидывается высоко над его головой, создавая белоснежный метущийся ореол. Ветер нагоняет тучи, они опускаются над Окой, над домами и ракетами, приближая к нам небо, ощутимо его дыхание. Вечереет, доносится запах воды и звуки с противоположного и такого близкого берега.

То и дело пересекая по мосткам Оку и мелководные заводи Орлика, можно долго бродить по окраинам и закоулкам с уцелевшими ещё кое-где деревьями, мудрыми великанами, покосившимися деревянными домами, которые тоскливо провожают проходящих своими резными окнами-глазницами. Полной грудью вдыхаем воздух, напоённый русской стариной, витающей здесь, сидим под ивами с томиком Бунина, который в «Орловском вестнике» начинал литературную деятельность, дожидаясь сумерек, ждём, когда луговину укроет туман, скоро он начнёт опускаться в низины, стелиться, собираясь полосками и облачками у кочек и вдоль оврагов.

У каждого орловца есть своя Лиза Калитина. В архивах писателя-эмигранта Иосифа Калиникова

найдена рукопись его отца – Федора Калиникова, сына дьякона кладбищенской церкви, – «Семейная биография», которую 1927 году он выслал сыну в Прагу. В ней упоминается игуменя Серафима, в миру – Варвара Соковнина, принадлежавшая к древнему и богатому роду. Узнаём тайны орловского некрополя.

После смерти отца шестнадцатилетняя девушка с верой в сердце определилась в Севский Троицкий девичий монастырь, почти четверть века она была настоятельницей Введенского монастыря, что был на Болховской улице. Молва о духовных подвигах Серафимы достигла столицы, о ней знала сама императрица Александра Федоровна.

Серафима умерла 3 января 1845 года. После отпевания при стечении народа тело почившей опустили в склеп недалеко от кладбищенской церкви, укрыв чугунной плитой. Рассказывали о чудодейственной силе игуменьи. Троицкое кладбище, где она была захоронена, посещали больные, служили панихиды, с могилы брали землю, зашивали в ладанки и носили на шее как спасительный талисман.

По желанию монастырской игуменьи Антонии была устроена усыпальница, куда хотели перенести бранные останки Серафимы. В назначенный день кладбище оцепили, явился пристав во главе с полицмейстером, прибыла игуменья с причтом, двадцатью монахинями и монастырским хором. Монахини предполагали найти нетленный прах, но к началу рассвета, к трем часам, докопавшись до праха, нашли только несколько костей, неизвестно кому принадлежащих.

Так узнали о том, что прах игуменьи Серафимы так и остался под полом церкви в правом приделе Троицкого кладбища. На этом же кладбище был погребён когда-то прославленный Алексей Петрович Ермолов, они похоронены рядом. Захоронение генерала отмечено указателем, а место погребения игуменьи Серафимы, образ запечатлён в романе «Дворянское гнездо», известно немногим.

О зрителе тургеневского музея Евгении Васильевиче Проще можно с уверенностью сказать, что он, действительно, знает всё и вся, о Тургеневе, не только о нём и его окружении, но и об орловской жизни тех лет. Это настоящий кладёзь мудрости, его очки слегка опускаются на переносице, таинственно поблескивают, сверкая как музейные витрины. Его фразы точны, строго выверены и выразительны, тембр голоса завораживает. Он умеет в одночасье легко и непринужденно перенести в далёкое время, о котором рассказывает, говорить он может часами. Если торопитесь, нужно обязательно сказать ему об этом, в противном случае из музея уйдёте не скоро.

С особым воодушевлением он вспоминал о Спасском! Порой кажется, что сам жил неподалеку и подолгу со стороны наблюдал за происходящим. Его старый орловский говорок ещё звучал, ещё долго летел за нами следом, когда мы, трясаясь в небольшом рейсовом автобусе до Мценска, отправились в родовое имение Тургенева.

Ранней весной старые липы стоят в голубом мареве, как в воде. Взору открывается поразительное видение – огромные поля не приметных маленьких цветущих незабудок под липами. Сначала эти

слёзки-цветки кажутся слегка розовыми, но потом становятся небесно-голубыми. Налетает ветер, возникает ощущение, что он колышет голубые волны, эти пронизывающие душу голубоглазые цветы-завитки. Они о чём-то шепчут, ожидают и верят, кажется, что эти слёзки шёпотом говорят тебе: «Не забывай меня!» Когда Господь давал имена всем своим цветам, незабудка, забыв своё имя, вернулась, чтобы переспросить. «Не забудь меня», – сказал тогда ей Господь.

Если когда-нибудь захотите ощутить Спасское, которое он так любил и чувствовал, надо непременно читать «Фауста», где и спасский дом, и спасские книги, и спасский сад. Тут он написал на одном дыхании за семь недель свой первый роман «Рудин», его необыкновенным героем стал своеобразный русский пылкий, но нерешительный Дон Кихот. В именье Покровском сестра Льва Толстого – Мария и её муж Валериан стали первыми слушателями романа.

Автобус останавливается неподалеку от огромной зелёной лужайки, посредине которой – склеп семьи Лутовиновых, в 1813 году тут был захоронен дед писателя.

О барине с жёстким характером вспоминают в рассказе «Бежин луг» мальчики, в поисках разрыв-травы призрак Ивана Ивановича ходит ночами от места своего упокоения к Варнавицкому оврагу – нечистому месту в Спасском. Старый садовник спрашивает его: «Что, мол, батюшка, ищешь?» Крестьяне верили, что после смерти его душа не успокоится, его будет давить земля, эта легенда звучит в произведении писателя.

Старо-Спасская усадьба в версте отсюда. Там жил Иван Андреевич Лутовинов. Вековые липы

помнят не только Ивана Сергеевича, но и Ивана Ивановича.

Обступают клёны, берёзы, тополя, лужайки и пруды, поросшие лютиками, незабудками и земляникой... «Эти деревья, эти зелёные листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира; никто не знает, где мы, что мы – а с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею...» – писал Тургенев.

Ново-Спасская усадьба... Огромная подкова дома, полукруглой каменной галереей развернутого к храму Спаса Преображения, в нём отпевали деда Тургенева, Ивана Лутовинова, здесь венчались родители писателя. Чудный усадебный дом на вершине холма, в котором было когда-то сорок комнат. Великолепный сад, который Тургенев никогда не называл парком, говоря: «Мой чернозёмный сад».

Толстой говорил, что никто не умеет писать эту природу, как Тургенев. Рядом с домом писателя лиственница, она выглядит мрачной, постаревшей, её темнеющий силуэт встречает и провожает проходящего. После того как в неё ударила молния, вершину её обрезали, это дерево помнит писателя.

Неподалёку от центральной аллеи, на просторной поляне за лутовиновским домом – стошестидесятилетний дуб, посаженный в детстве самим Тугеневым. Исполин, обнесённый оградой, весь в заплатах, чем-то походит на вечного спутника Дон Кихота.

Вещи Ивана Ивановича, Варвары Петровны, матушки писателя, самого Тургенева поразительно очерчивают уклад жизнь. За всеми этими предметами ощутимо дыхание времени. Тургенев почти не менял обстановку. Здесь чудные

импровизации крепостных художников на мифологические темы. Два старика вот уже более 200 лет едят арбуз в золочёной раме, они оживают в его рассказе «Контора». Всё так или иначе звучит в «Записках охотника» и других повестях. Старые английские часы в виде башни, старинный бильярд, который сдвигает Харлов в повести «Степной король Лир». Тургенев описывает и «усадебные» портреты, эти испуганные лица кирпичного цвета. Весьма обыденные истории, но за ними необычайный трагизм и безысходность русской жизни. Россия открывается в его рассказах. Писатель удивляет нас, сравнивая простых мужиков в рассказе «Хорь и Калиныч» не с кем-нибудь, а с Гёте и Шиллером, видя в них великую духовность. Это люди, которые для него важны. Лицо Хоря подобно лицу античного философа Сократа.

В 1440 году предок писателя поступил на службу к Василию Тёмному, в крещении получил имя Иван Тургенев. От него пошли Тургеневы, которые служили России, в разное время были воеводами в Орле. Один из них, несчастный Тимофей, был воеводой Царицына, с ним расправились разинцы.

Когда-то над усадебным домом висели два вымпела с гербами Тургеневых и Лутовиновых. Когда Варвара Петровна была не в духе, она приказывала спустить вымпелы, подъезжавшие к усадьбе гости, видя столь зловещий знак, поворачивали восвояси назад.

Герб рода Тургеневых – орёл, воспаряющий от мусульманской веры к христианской, – напоминает о том, что в роду всегда были готовы к ратной службе. Меч на красном поле напоминает време-

на польской интервенции и смуты. Пётр Тургенев не принимал Лжедмитрия, для него тот был лишь беглым монахом Гришкой Отрепьевым. Он сказал об этом ему в лицо, в тот же день его схватили и казнили на лобном месте в Москве.

Прадед Тургенева Роман во время Полтавского сражения был при Петре I. Писатель вспоминал о нём и его сыне, как о людях, участвовавших в петровских ассамблеях. Накануне 1700 года они стригли бороды боярам, участвовали в своеобразных шутовских затеях Петра.

Яркая фигура – Петр Иванович, дед писателя. В Преображенском полку прославился громкими скандалами, принимая участие в охране Петербургского тракта по случаю проезда Государыни, он затребовал лошадей, а получив отказ, скомандовал роте: «В ружье!» Лошадей ему выдали, но дело получило огласку, на суде вспомнили все его пьянки, драки, кутежи, карты, его уволили из полка. Обида, связанная с тем, что его карьера не удалась, мучила его до конца жизни, из-за его «неукротимого нрава» все, даже родные, отвернулись от него. Грандиозным скандалом обернулось побоище, в котором погибли более десяти его дворовых. Забросив трупы на телеги, он поехал в город Ливны, поджёг хлеба своих врагов и, стоя на телеге, кричал: «Я – бич ваш!»

О сёстрах Лутовиновых известно мало. Аграфену Ивановну Лутовинову, в замужестве Шеншину, называли «второй Салтычихой». История её младшей сестры Елизаветы Ивановны, у которой тоже был тяжёлый характер, изображена в рассказе Тургенева «Бригадир».

О родственниках писателя по отцовской линии сведения также скудны. Родной брат отца писателя, Алексей Николаевич, был весьма странным, Варвара Петровна избегала, сторонилась его, неохотно принимала у себя. Странностями отличался и его сын Михаил Алексеевич, прототип рассказа «Отчаянный».

Когда в 1813 году её муж умер во Мценске, мать, Варвара Петровна, проявила волю и характер. Голова несчастной девочки, которая так много пережила в детстве и отрочестве, похоже вскружилась. Она не уступила своим тетушкам, долго вела с ними судебное разбирательство и выиграла более 3 000 крепостных, тысячи десятин земли в Орловской, Тульской, Тамбовской и Калужской губерниях.

Мать Тургенева за многое берётся, она человек с размахом, у неё широкая натура и связи. Поддерживает крепостной театр Ивана Ивановича, размещая его в одном из залов, иногда представления давали прямо в парке под деревьями при свете сияющих фонарей, в спектаклях играют крепостные актеры, музыканты, танцоры и певчие. В Спасское приезжал поэт Василий Жуковский. Тургенев вспоминал спрятанный в кладовке колпак, украшенный звёздами, в котором тот сыграл на спасской сцене роль волшебника.

Варвара Петровна имеет собственный оркестр, увлекается цветами, живёт по-барски, на широкую ногу, приглашает многочисленных гостей, устраивает охоты, даёт балы, маскарады, театрализованные представления, любит французские книги.

Варвара Петровна очень любила Екатерину II, во многом следовала правилам, которых та

придерживалась в жизни. В Спасском у неё был свой двор, министры, тайная полиция. О её «ндраве» и причудах ходили легенды, она наряжала слуг в форму служащих государственных департаментов, давала им фамилии министров. Чего стоит один только стеклянный ящик, в котором во время эпидемии холеры, чтобы, упаси боже, не заразиться, барыня требовала выносить себя на улицу.

Семью обслуживала бесконечная дворня, которая составляла около 60 семей. Варвара Петровна театрализовала свою жизнь, её стада по звуку рожка выходили пастись и по рожку возвращались. Подъезжая к дому, исправник беспрекословно отвязывал колокольчик, чтобы не потревожить её покой. Министр почты звонил в колокольчик, когда привозил почту из Мценска, флейтист безропотно при этом стоял наготове. Если на письмах были чёрные печати, он исполнял грустную мелодию, ежели с красными, когда в дом приносили хорошие вести, — она была весёлой. По мнению хозяйки, её надлежало заранее обо всём предупредить, чтобы ничто не могло ворваться в её жизнь неожиданно. Всё и вся должны были безропотно подчиняться ей.

Одного из крепостных мальчиков, у которого был талант к рисованию, она отправляет учиться в Москву. Ему даже поручили расписывать потолок в Большом театре. Как только юноша овладел искусством живописи, Варвара Петровна принудительно возвращает его опять в деревню и велит ему рисовать ей цветы. Он рисовал их со слезами на глазах, очень страдал, вскоре спился и ушёл из жизни.

Однажды она узнаёт, что дворовые затеяли праздник, тотчас притворяется умирающей, заставляя всех целовать ручку, прощаясь с ней. Сама при этом приглядывала тайно за всем, зорко следила, кто радуется, что барыня умирает, кто напился, а кто вообще не явился проститься с барыней. Наутро она с криком восстала из мертвых: «Пьяницы, негодяи, обрадовались, что барыня умирает». Провинившиеся пошли согбенно в серых халатах, как каторжники, мести спасские аллеи.

Во время подлинной смерти Варвары Петровны, по её пожеланию, в соседней комнате оркестр исполнял польку, дабы ей легче было уходить из жизни. К этому времени она рассорилась со всеми своими детьми. Сыну Николаю, приехавшему к ней попрощаться, на смертном одре сказала: «Ты ещё не знаешь, простила ли я тебя. Поезжай в Петербург и открой высланный тебе сундук. Коли в нём икона – значит, простила». Сын не осмелился перечить ей, тут же уехал. В сундуке оказалась икона,

он так и не успел проститься с матерью.

Один из портретов матери напоминал икону тёмного письма, он не понравился маленькому Тургеневу. «Ты похожа на обезьяну, – пробурчал Иван, за что та высекла его. Она любила повторять: «Но секла я вас в детстве, зато людьми выросли». Варвара Петровна любила своих сыновей, особенно младшенького, но секла их за малейшую провинность, приговаривая при этом: «Догадайся сам, за что тебя наказываю».

Покидая усадьбу Тургенева, вспоминаю легенду о девушке, которая просила своего суженого сорвать для неё желтоглазый цветок, который рос у кручи. Исполнил её желание, но сорвался в бурную реку, продолжая сжимать в руках цветок – свою голубую надежду. Незабудка – цветок чистый, как ангел, каждому, кто взглянет на эти голубые нежные лепестки, он возвращает память о любви, о забытом доме, о дорогих и близких людях.

Елена Валентиновна Баранчикова

г. Ростов-на-Дону